

R 458
12

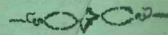
РВЧЪ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ 3 ЯНВАРЯ 1868 ГОДА ВЪ
ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

+ **БАРОНОМЪ ТОРНАУ,**

при открытїи курса стенографїи

И. А. УСТИНОВЫМЪ.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Губернской Типографїи.

1868.

РѢЧЬ,

ПРОИЗВЕСЕННАЯ 3 ЯНВАРЯ 1868 ГОДА ВЪ ХАРЬ-
ВОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

БАРОНОМЪ ТОРНАУ,

при открытіи курса стенографіи

И. А. УСТИНОВЫМЪ.

Въ залахъ здѣшняго университета съ нынѣшняго года будетъ преподаваться въ первый разъ еще одно искусство, еще одна наука, наука конечно скромная въ сравненіи съ другими существующими и, по мнѣнію многихъ, быть можетъ, далеко неподходящая подъ уровень прочихъ важныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ этихъ же залахъ знаменитостями харьковского университета, — но все таки наука и искусство, которыя имѣютъ свою практическую пригодность въ настоящемъ и свою особую будущность: я говорю о *стенографіи*.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА ССЕР
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

1464-81

И. А. Устиновъ, получивъ разрѣшеніе, принимаетъ на себя читать публичныя бесплатныя лекціи о стенографіи по началамъ Габельсбергера, примененнымъ къ русскому языку профессоромъ стенографіи д-ромъ Цей-бихомъ и мною.

Въ качествѣ специалиста, въ качествѣ составителя системы, прошу дозволенія вашего, м. г., въ нынѣшней бесѣдѣ, передать вамъ, въ краткомъ очеркѣ общія понятія о стенографіи и о нашей системѣ въ особенности.

Считаю еще долгомъ заявить, что если, въ настоящее время, представляется возможность публичнаго преподаванія стенографіи, если нѣсколько лицъ будутъ въ состояніи изучить ее, воспользовавшись плодами нашихъ изученій и изысканій и тѣмъ приобрѣтутъ возможность усвоить себѣ зарятія, полезныя для нихъ лично и полезныя для общественной вашей дѣятельности, то общество будетъ этимъ обязано просвѣщенному сочувствію дѣлу стенографіи, какъ начальства здѣшняго учебнаго вѣдомства, — предоставленіемъ настоящаго помѣщенія, такъ и харьковской губернской управы, заявившей готовность содѣйствовать тому, чтобы харьковское

земство приняло участіе въ обеспеченіи матеріальными средствами лицъ, желающихъ посвятить себя стенографіи. Подобный примѣръ совѣстнаго содѣйствія земства и учебнаго вѣдомства на пользу стенографіи, — первый у насъ въ Россіи и посему имѣетъ знаменательное значеніе, о которомъ считаемъ долгомъ, и пріятнымъ долгомъ заявить здѣсь публично.

Въ началѣ рѣчи моей, я имѣлъ честь сказать, что стенографія имѣетъ, какъ наука и какъ искусство, свою практическую пригодность въ настоящемъ и свою особую будущность. Дозволю себѣ разъяснить сперва эти двѣ мысли.

Распространяться, въ настоящее время, предъ вами, м. г., о пользѣ, о необходимости стенографіи, смѣю думать, излишне. Неоднократно и въ печати нашей заявлена была мысль о томъ, что стенографія не различна съ появленіемъ живаго слова, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ публичность, гласность, устность. Столь же неоднократно мы читаемъ и слышимъ заявленіе, что, за неимѣніемъ стенографовъ, не возможно, къ общему сожалѣнію, передать публикѣ про-

изнесенныхъ рѣчей, заявленныхъ мыслей, нѣкоторыхъ чудныхъ порывовъ истинно ораторскихъ талантовъ. Съ установленіемъ стенографіи, всякое умное слово сохранится въ поученіе согражданъ въ настоящемъ и въ будущемъ, и въ тоже время стенографія, невольнымъ образомъ, будетъ имѣть образовательное вліяніе на нашихъ ораторовъ, на всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ себя призванными заявлять публично и словесно свои мысли. Не въ обиду намъ будь сказано, ораторство у насъ еще юно и въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ когда либо, необходима для собственной его пользы, нѣкоторая узда, нѣкоторый контроль, не по уложенію о наказаніяхъ, а нравственный, а именно въ томъ, что всякій будетъ знать, что слова, публично имъ произнесенныя, могутъ быть стенографически записаны и переданы на обсужденіе всякой критики. Это положеніе заставитъ насъ неслѣдовать системѣ извѣстнаго Митрофанушки: „сперва сказать, а потомъ подумать“, а сперва подумать и потомъ говорить, потому именно, что стенографія неумолимый, недодеушный контролеръ всѣхъ разъ высказанныхъ мыслей,

показаній и пр. Стенографія передаетъ всѣ негладкости, всѣ ошибки въ рѣчахъ съ такою же неприятною нескромностію, какъ фотографія негладкости лица. Мы хорошо знаемъ, что рѣчи, произносимыя для эффекта, съ извѣстными ораторскими уловками для увлеченія, какъ переложатся, дословно, на бумагѣ, оказываются лишенными иногда даже логической послѣдовательности, вслѣдствіе чего могу, по секрету, вамъ передать, что всѣ, такъ называемые, популярныя ораторы, крѣпко недолюбливаютъ стенографію... Конечно есть средство помочь всякому горю: ораторы, какъ ирреки, corrigent la fortune и точно также могу передать вамъ по секрету, что намъ самимъ довелось видѣть нѣкоторыя стенографическія таблицы и, сравнивъ ихъ съ отпечатанными рѣчами, изумлялись смѣлымъ въ нихъ измѣненіямъ. Дѣйствіе это дѣло домашнее и безвредное, когда касается исправленія одной логики или одного краснорѣчія, но во всѣхъ случаяхъ, когда доходитъ до изслѣдованія положительной истины, касающейся публичной и общественной дѣятельности, стенографическія таблицы присяжныхъ стенографовъ состав-

ляют неоспоримый, окончательно доказательный документъ.

Воспущу здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ самаго важнаго предназначенія стенографіи — при судебныхъ дѣйствіяхъ. Польза стенографіи при этихъ дѣйствіяхъ очевидна, такъ сказать, осязательна и, смѣю пояснить, не столько еще для ознакомленія публики съ рѣчами обвинителей и защитниковъ, какъ для занесенія, дословно, на бумагу всѣхъ показаній участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, обвиняемыхъ, свидѣтелей, экспертовъ — словомъ всего того, что происходитъ публично на судѣ и что можетъ и должно имѣть вліяніе на самое отправленіе суда и что послужитъ доказательствомъ правильности сего отправленія. Есть еще одно особое дѣйствіе на судѣ, въ прежней судебной практикѣ нашей весьма трудное дѣйствіе: это занесеніе на бумагу всего происходящаго при освидѣтельствованіи умалишенныхъ. За границею, на практикѣ доказано, сколько въ этихъ случаяхъ стенографія приноситъ пользы и до какой степени она оказывается необходимою.

Не утомлю болѣе вниманія вашего, м. г., о пользѣ и необходимости стенографіи въ

настоящемъ и перехожу къ предмету объ особой будущности стенографіи.

II.

Кромѣ образовательнаго вліянія стенографіи въ ближайшемъ будущемъ на ораторовъ нашихъ, о чемъ имѣлъ уже честь упомянуть, прошу васъ благосклонно выслушать слѣдующія мысли мои по сему предмету.

Заявляю публично, что я лично приверженецъ *пассирафії* т. е. принципа установленія одного общаго шрифта для всѣхъ языковъ. Для заявленія подобнаго мнѣнія, въ настоящее время, необходима нѣкоторая смѣлость, нѣкоторое гражданское даже мужество, на томъ основаніи, что большинство гг. ученыхъ, филологовъ и педагоговъ, находятъ мысль о пассирафії неосуществимою; въ печати, публицисты, которые для подкрѣпленія своего мнѣнія неразборчивы въ выраженіяхъ, называютъ просто на просто мысль о пассирафії — *вельпою*. Выраженіе это конечно не вполне парламентарное, но въ виду гениальности и оригинальности обшихъ мыслей публицистовъ, лица противнаго ихъ мнѣнія, не имѣютъ права обижаться выраженіями и должны изыскивать средства

другими способами, хотя бы напиривъ логическими выводами и практическими фактами, побороть вторенившіяся мнѣнія и этимъ постараться доказать правильность ихъ воззрѣнія.

Съ подобающею скромностію дозволю себѣ явиться предъ вами, м. г., защитникомъ и заступникомъ пасиграфіи и начну съ того, что одна вличка: „нелѣпое“, придаваемая какому либо предмету, не есть еще доказательство и не можетъ служить основаніемъ тому убѣжденію, что предметъ этотъ на вѣки уже похвренъ, и что нѣтъ ему надежды пройти въ общественную жизнь и сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ.

Наполеонъ 1-й, который конечно былъ одинъ изъ великихъ мыслителей ближайшаго нашего прошедшаго, вѣдь признавалъ нелѣпнымъ примѣненіе паровъ къ судоходству; съ другой стороны принятая имъ же мысль о воспроизведеніи сахара изъ свекловицы единогласно признавалась Европою мыслию нелѣпою, и мы помнимъ и въ наше время еще извѣстную карриатуру, которая представляла герцога Рейхстадтскаго младенцомъ, проливающимъ слезы, съ свекловицею во рту,

а императора Наполеона въ царской мантии, повелѣвающаго сосать свекловицу словами: *Suce, mon ami, c'est du sucre!*

Во время континентальной системы производство сахара изъ свекловицы была мысль нелѣпая, а въ настоящее время, именно здѣсь въ Харьковѣ, мы всѣ пользуемся послѣдствіями приложенія къ дѣлу этой нелѣпой мысли.

Пасиграфія имѣетъ цѣлю установить одинъ общій шрифтъ для письма на всѣхъ языкахъ міра, т. е. стремится къ установленію единства шрифта въ письмѣ. Замѣчу почтительнѣйше вамъ, м. г., что пасиграфы не суть пасилоги, т. е. не имѣютъ стремленія установить одинъ общій языкъ; да охранить насъ Господь отъ порожденія даже, подобнаго анти-національнаго помысленія; полагаемъ полезнымъ единственно установленіе одного общаго шрифта для всѣхъ языковъ. Спрашиваемъ, что можетъ быть, въ подобномъ стремленіи противу естественнаго, противу-національнаго? чѣмъ тутъ нарушается самостоятельность каковаго либо народа, чѣмъ тутъ устанавливается рабѣльная зависимость отъ другихъ? Достиженіе стремленія пасиграфіи

можетъ быть послѣдствіемъ единственно соглашенія а не принужденія, а соглашеніе можетъ послѣдовать тогда, когда основные принципы признаются практически полезными, а все что практически полезно, то конечно и разумно. Практическая польза отъ установленія одного общаго шрифта можетъ ли быть оспорена? Не говоря уже о языкахъ другихъ частей свѣта, въ Европѣ четыре вполне отличительныхъ шрифта: русскій, латинскій, нѣмецкій и греческій. Каждый требуетъ особаго изученія и если и скажутъ намъ, что изученіе это дѣло школьниковъ и приобрѣтается ими легко, то отвѣтимъ, что оно все таки трудъ, требующій извѣстную часть времени, которую съ пользою можно было бы обратить на что либо иное. А если взять случай, что взрослые люди желаютъ изучить какой либо неизвѣстный имъ языкъ, имѣющій свой особый шрифтъ, то имъ положительно приходится на изученіе азбуки потратить время, которое они могли бы употребить на изученіе самаго духа языка и тутъ мы нерѣдко встрѣчаемъ факты, что даже ученые, при изслѣдованіяхъ ихъ, впадаютъ въ ошибки, которыя, въ виду авто-

ритета лицъ, распространяютъ въ публикѣ понятія ложныя и превратныя, и для опроверженія коихъ требуются новыя ученныя диссертаци. Такъ напр. укажу вамъ, м. г., что на Кавказѣ Визчалинскій округъ получилъ неправильное названіе Ворчалинскаго, укрѣпленное сенатскими указами и именными повелѣніями, потому что первый составитель списка округовъ не сѣмѣлъ различить буквы з отъ буквы р. Еще интереснѣе ошибка извѣстнаго путешественника Гамба, происшедшая отъ неумѣнья его прочесть нашу букву ѡ. Между горами Пятигорска есть одна, которая называется: Лысою, по особой формаци ея, а именно: съ подошвы своей она покрыта густымъ лѣсомъ, который внезапно прекращается на самой оконечности и этимъ образуетъ какъ бы лысину на маковкѣ горы. Названіе это дано горѣ первыми русскими географами на Кавказѣ-нашими солдатами. Г. Шевалье де-Гамба прочелъ „лысыя гора“ и въ доказательство правильности сего названія указываетъ на множество лысицъ, находящихся на горѣ этой, какъ на особую игру природы, при отсутствіи лысицъ во всей окрестности. Если гг. зоологи

и охотники на лисью охоту разочаруются въ своихъ поискахъ на лисой горѣ, то вина тому будетъ неуспѣшность г. Гамба въ изученіи русской азбуки.

Замѣчу дальѣ: если въ первоначальномъ начертаніи знаковъ азбуки было бы какое либо рациональное основаніе, то конечно, насиграфы не могли требовать замѣны оныхъ однимъ общимъ шрифтомъ. Но мы не видимъ ratio въ начертаніи какой бы то не было нынѣ существующей буквы; чѣмъ намъ напр. докажутъ почему одинъ и тотъ же знакъ: *e* долженъ означать въ латинскомъ шрифтѣ: *e* а въ русскомъ: *е*? следовательно при примѣненіи первоначальныхъ знаковъ семитической азбуки къ звукамъ разныхъ Европейскихъ языковъ, основано на произволѣ и на случайности,—а противъ дѣйствій произвольныхъ и случайныхъ спорить не грѣшно и не антинаціонально.

Съ другой стороны, вы всё, м. г., въ отношеніи нѣкоторыхъ предметовъ, насиграфы. Такъ напр. относительно цифръ и музыкальныхъ нотъ. Развѣ можно оспаривать пользу и удобство въ безъ ошибочномъ прочтеніи на счетахъ всѣхъ языковъ, одинаковыхъ

цифръ: 3, 5, 8. Вѣдь, означались же прежде цифры различными способами: и буквами своего алфавита и римскими цифрами... Усгѣлъ же, просвѣщенный міръ установить единство въ цифрахъ, принявъ такъ называемыя арабскія цифры, и ни одинъ Европеецъ не краснѣетъ, что мы подчинились въ этомъ дѣйстви мысли, заявленной первоначально Аравитянами. Развѣ неудобство, что въ Нью-Йоркѣ или въ Пекинѣ, вы, можете, конечно если знаете музыку, сыграть и пропѣть, а prima vista, музыкальную мысль, написанную въ Петербургѣ или Парижѣ? Если мы такъ охотно въ отношеніи цифръ и музыкальныхъ нотъ, подчиняемся насиграфическимъ тенденціямъ, отчего же возстаемъ противъ единства знаковъ въ письмѣ? Наконецъ скажу еще болѣе, развѣ ученый и коммерческій міръ не стремится всѣми силами къ установленію единства въ вѣсахъ, мѣрахъ и монетахъ? и не будетъ ли достиженіи этой цѣли не только полезно и удобно, но и положительно благотворно для всѣхъ обществъ?.. А всё эти стремленія, м. г., тѣ же какъ насиграфическія тенденціи, относительно шрифта письма. А по сему, въ виду суще-

ственной пользы дѣла, пасиграфія пройдетъ и пробьетъ себѣ путь, сколько бы противники этой тенденціи ни возставали противъ нее; она пройдетъ, если не сегодня, то чрезъ столѣтіе, а все-таки пройдетъ.... Если пасиграфіи суждено пройти и установиться, то вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ является *стенографія*, и въ этомъ и заключается та особая будущность ея, о которой я имѣлъ честь заявить.

За симиъ переходя отъ заключенія къ заключенію, отъ выводовъ къ выводамъ заявляю, что остановившись на пасиграфической тенденціи стенографіи, — единственная система оной, которой приходится въ удѣлъ предназначеніе это, — *есть система Габельсбергера*, для обученія коей и предполагается открыть курсы въ Харьковѣ и въ этихъ залахъ.

Сознаюсь вамъ, ж. г., когда шесть лѣтъ тому назадъ, убѣдившись въ практической пользѣ стенографіи въ Европѣ, — я вздумалъ изучить ее и посильными трудами своими перенести ученіе ея къ намъ въ Россію, — то, послѣ нѣкоторыхъ опытовъ по разнымъ дѣйствовавшимъ системамъ, — остановился на

системѣ Габельсбергера, именно потому, что она не носитъ на себѣ печати исключительности для одного нѣмецкаго языка, а является какъ-бы достояніемъ общественнымъ, въ полномъ значеніи сего слова. Она легко примѣнима ко всѣмъ языкамъ, съ сохраненіемъ всѣхъ научныхъ началъ, съ сохраненіемъ почти всѣхъ своихъ знаковъ. Это удобство примѣненія доказано нынѣ на фактѣ приложеніемъ системы къ шестнадцати языкамъ.

Лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли, какъ доказательства *ad contrarium*, служитъ отзывъ о семъ предметѣ самыхъ ярыхъ противниковъ Габельсбергеровой системы въ Россіи, — послѣдователей системы Штольце.

Вотъ, что говорятъ гг. Паульсонъ и Мессеръ въ ихъ русской краткописи по началамъ Штольце, на страницѣ XII предисловія: „система Штольце замѣчательна тѣмъ, что, въ противоположность *тенденціи къ универсальности* (система Габельсбергера), она „выражаетъ положительную тенденцію къ индивидуальности,“ т. е., что она чисто нѣмецкая стенографическая система.

На страницѣ же XI, они говорятъ: „лучшимъ доказательствомъ этому (т. е. невоз-

возможи вслѣдствіе несчастной мысли объ универсальной системѣ, быть оригинальнымъ и самостоятельнымъ для составленія русской стенографіи по системѣ Габельсберга) „могутъ служить тѣ довольно многочисленные „практическіе курсы и руководства, по универсальной системѣ Габельсбергера, которые изданы на французскомъ, англійскомъ, италянскомъ и мн. др. языкахъ;—сравните ихъ между собою и съ изложеніемъ подлинной системы, и вы тотчасъ убѣдитесь, что все это не самостоятельныя примѣненія, а переводы въ буквальномъ смыслѣ словъ: *вездѣ одинъ и тѣ же буквы въ одномъ и томъ же стереотипномъ значеніи, вездѣ тѣ же приемы и правила*, такъ что если вы умѣете читать нѣмецкое письмо Габельсбергера, то прочтете тотчасъ же и французское, и англійское, и италянское, *хотя бы вы и ни слова не разумѣли*“ на этихъ языкахъ.

Лучшей критики мы и отъ доброжелателей нашихъ ожидать не можемъ и, намѣриваясь насъ, Габельсбергянцевъ, уничтожить и привлечь къ себѣ всѣхъ русскихъ, желающихъ изучить стенографію, гг. Паульсонъ и Мессеръ лучшей услуги намъ оказать не могли. Они

даже, по мнѣнію моему, въ порывѣ служенія истинѣ перешли чрезъ границы благорасположенія къ намъ, полагая что мы, зная нѣмецкую стенографію Габельсбергера, можемъ тотчасъ же прочесть все написанное стенографически по этой системѣ, на всѣхъ языкахъ, *вовсе непонимая ихъ*. Въ скромности нашей, мы довольствуемся тѣмъ, что можемъ прочесть стенографическое письмо на тѣхъ лишь языкахъ, которые разумѣемъ и изучили.

Спѣшу подѣлиться съ вами, м. г., отзывомъ этимъ, какъ доказательствомъ правильности высказаннаго мною мнѣнія о томъ, что именно Габельсбергеровой системѣ суждено быть тою, которая можетъ провести принципъ о пасиграфії. Спѣшу подѣлиться потому, что опасаясь, что въ случаѣ новаго изданія руководства гг. Паульсона и Мессера, они не исключили бы изъ онаго, означеннаго отзыва, который стольже благопріятенъ намъ, сколько наивенъ для нихъ.

Прежде чѣмъ приступить, къ изложенію общихъ началъ стенографіи и въ отдѣльности началъ Габельсбергеровой системы, прошу дозволенія объяснить вамъ предварительно еще слѣдующее:

Мысль о стенографіи на столько еще нова у насъ въ Россіи, что въ публикѣ образовалось не вполне точное пониманіе о ней и о ея предназначеніи. Укоренилась мысль, что стенографія имѣетъ, *единственно*, предназначеніемъ записывать рѣчи ораторовъ, рѣчи произносимыя въ публичныхъ засѣданіяхъ, въ общественныхъ собраніяхъ и проч.

Конечно, дѣйствіе это есть окончательная цѣль стенографіи, но оно отнюдь не единственное предназначеніе ея.

Стенографія имѣетъ двойное предназначеніе: дѣйствовать какъ *скоропись обыкновенная* и какъ *скоропись публичная*.

Дѣйствуя, какъ скоропись обыкновенная, въ видѣ вспомогательнаго средства, при занятіяхъ всякаго частнаго лица, при записываніи его мыслей, для быстрого занесенія на бумагу разныхъ замѣтокъ, стенографія имѣетъ самое пространное, самое обширное примѣненіе и можетъ приносить ежедневную важную пользу, по части письменной и умственной дѣятельности нашей. Характеристическая черта стенографіи, въ видѣ обыкновенной скорописи, заключается въ томъ, что она служитъ *пособіемъ, а не основаніемъ дѣйствій*.

Важность этого пособія все болѣе и болѣе признается во всей Европѣ и въ слѣдствіе сего, стенографія входитъ въ предметы обученія юношества; въ иныхъ мѣстахъ она сдѣлалась даже предметомъ обязательнаго обученія, такъ напр. въ Саксоніи изученіе стенографіи обязательно въ артиллерійскомъ училищѣ.

Особо осязательную пользу отъ стенографіи мы приобретаемъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляемъ ея, такъ сказать, лишь въ половину, т. е. если при обыкновенномъ письмѣ нашемъ, мы будемъ отмѣчать, на основаніи точныхъ правилъ системы, хотя бы одни сокращенія въ окончаніяхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ и въ глаголахъ, одни приставки, одни условные знаки.

Мы лично убѣдились въ томъ, что этимъ способомъ слушатели въ университетахъ Германіи и Англіи, съ особымъ удобствомъ, записывали лекціи профессоровъ. Конечно, и нынѣ, всякое лицо, желающее съ быстротою записывать свои мысли, вводитъ въ письмо свои сокращенія, свои условные знаки, но сокращенія эти, какъ неоснованныя на нача-

лахъ науки, на принципахъ системы, всегда произвольны, и часто являются подъ перомъ, по минутному вдохновенію. Въ слѣдствіе сего, означенныя сокращенія дѣлаются современно недоступными къ прочтенію самими составителями, а тѣмъ болѣе постороннимъ лицамъ, непосвященнымъ въ таинство условныхъ знаковъ сокращеній.

Для наглядности, вышесказаннаго, привожу нѣкоторые примѣры *).

За симъ мы имѣемъ особые условные знаки для нѣкоторыхъ часто употребляемыхъ словъ, какъ-то: что — одно ч на письменной линіи; дѣло — одно д на линіи.

Чтобы употребить стенографію, какъ обыкновенную скоропись, съ пользою въ дѣло, необходимы положительныя свѣдѣнія о принципахъ системы, необходимо обладать, полнымъ, твердымъ знаніемъ всѣхъ теоретическихъ правилъ и началъ. Техническое же совершенство, по этой части письменной дѣятельности, требуется лишь въ нѣкоторой степени. Стенографовъ сего рода считается въ Европѣ десятками тысячъ, а однихъ послѣдователей системы Габельсбергера, по именнымъ спискамъ: 14.000 человекъ.

*) См. приложение.

Чтобы сдѣлаться стенографомъ для обыкновенной скорописи, т. е. чтобы усвоить себѣ вполнѣ теорію и пріобрѣсть лишь нѣкоторую степень технической ловкости — достаточно — для даровитыхъ людей — два, три мѣсяца. Этотъ результатъ, по нашей системѣ, въ особенности легко достигается лицами, пользующимися особою графическою способностію по письму вообще.

Совсѣмъ иное дѣло относительно стенографіи, имѣющей цѣлю публичную скоропись. Въ этомъ случаѣ стенографія послужитъ уже *пособіемъ*, а есть *основаніе дѣйствій*.

Въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, въ странахъ практическихъ, *per excellence*, стенографическимъ таблицамъ и вошіямъ съ оныхъ, дается таже вѣра, какъ документамъ въ судѣ совершеннымъ.

Въ Европѣ во всѣхъ случаяхъ, когда доходить до изслѣдованія положительной истины въ публичной дѣятельности нѣкоторыхъ лицъ, стенографическія таблицы прісжныхъ публичныхъ стенографовъ, какъ я имѣлъ уже честь заявить выше сего — составляютъ неоспоримый, окончательно доказательный документъ.

Въ подтвержденіе сего приведу вамъ, м. г., слѣдующіе два примѣра: всѣмъ безъ сомнѣнія памятна одна извѣстная въ Парижѣ рѣчь, въ которой ораторъ употребилъ выраженіе: „à bas les prêtres“; благожелонные оратору журналы, въ виду проявившагося неблагопріятнаго общественнаго мнѣнія — объявили, что имъ было сказано: „à bas les traitres“ и что этому выраженію вся Франція единодушно должна сочувствовать. Возникшее разногласіе, окончательно, разрѣшено было стенографическими таблицами. Такимъ же образомъ, разрѣшенъ былъ споръ, въ Бельгійской палатѣ депутатовъ, о вкрапившихся въ отпечатанномъ отчетѣ публичнаго засѣданія, ошибкахъ и тогда тамъ исполнился фактъ, едва-ли не единственный, въ анналахъ парламентской дѣятельности, фактъ перепечатанія протокола засѣданія, на точномъ основаніи стенографическихъ таблицъ.

Привожу примѣры эти, чтобы доказать вамъ м. г., сколько важности, сколько значенія придаютъ въ западной Европѣ, дѣятельности публичныхъ стенографовъ, и какая въбра дается стенографіи, разрѣшая на основаніи

оной, самые щекотливые вопросы по публичной дѣятельности, не только отдѣльныхъ лицъ, но и государственныхъ установленій.

При дѣйствіи публичной стенографіи, когда съ точностію, съ вѣрностію, должно быть написано каждое произнесенное слово, необходимо, не только полное и твердое знаніе теоріи искусства, но и техническая ловкость въ полномъ же совершенствѣ. Недостатки въ этомъ совершенствѣ дѣлаютъ труды публичныхъ стенографовъ не только бесполезными, но и опасными по своимъ послѣдствіямъ.

Чтобы вамъ самимъ, м. г., возможно было судить о степени необходимаго для публичнаго стенографа, технического совершенства, мы представимъ вамъ циферныя данныя. Самому бойкому скорописцу обыкновеннаго письма удастся, конечно безусловныхъ знаковъ, но съ нѣкоторыми общими сокращеніями, написать въ одну минуту, отъ 35 до 40 словъ. Самый же медленный ораторъ произноситъ въ минуту 80 и 90 словъ, бойкій же, — какъ напр. Тьеръ (Thiers) 150 и 160 словъ. Расчетъ весьма простой — на сколько необходимо стенографіи выиграть процентовъ времени, чтобы успѣть

за ораторомъ въ 160 словъ?—до 300%.—
Достиженіе этой цѣли возможно только при
соединенномъ совершенствѣ въ обладаніи
принциповъ, какъ теоріи, такъ и практики.
Тутъ конечно главнѣйшую роль играетъ
техническое совершенство, которое приобрета-
ется только долгимъ, и весьма долгимъ
навыкомъ и при томъ, единственно, при
помощи твердаго знанія теоретическихъ на-
чалъ. Соединенное обладаніе теоріи и прак-
тики должно быть въ такомъ совершенствѣ,
чтобы стенографъ ни на одну секунду неза-
думался въ присканіи знаковъ; каждая утра-
ченная секунда равняется утратѣ по край-
ней мѣрѣ двухъ словъ, невозможныхъ болѣе
къ наверстанію.

Въ виду той важной отвѣтственности,
которая возлагается на публичнаго стено-
графа, мы никакъ не можемъ раздѣлять то-
го мнѣнія, что подобный стенографъ мо-
жетъ быть образованъ или, лучше сказать,
созданъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.
Прослѣдивъ за этимъ предметомъ въ Ев-
ропѣ, мы убѣдились въ томъ, что въ Гер-
маніи, во Франціи, въ Англии, никто не рѣ-
шится, сколь бы совершенною системою сте-

нографіи онъ ни пользовался, сколь бы самъ
не считалъ себя гениальнымъ исполнителемъ,
сѣсть на скамью публичныхъ стенографовъ,
послѣ двухъ, трехъ мѣсяцевъ обученія сему
искусству. При той важности, при той вѣ-
рѣ, которыя даются стенографическимъ таб-
лицамъ,—на стенографовъ упадаетъ отвѣт-
ственность столь значительная, что она ко-
нечно можетъ быть принята на себя лишь
лицами, вполне къ тому приготовленными,
лицами, которыя дѣятельность свою могутъ и
должны скрѣплять особою присагою.

Если мы у себя въ Россіи полагаемъ
возможнымъ достигнуть цѣль, образованія пуб-
личныхъ стенографовъ, въ столь короткое
время, то положительно можемъ завѣрить
васъ, что въ помышленіи этомъ есть боль-
шая доля увлеченія; а въ публичномъ объ-
явленіи, при приглашеніи заняться изученіемъ
какой либо стенографической системы, о
таковой возможности—видимъ не убѣжденія
въ дѣйствительности факта, а нѣчто иное.

Боснусь здѣсь еще одной, равношррно въ
почти нашей заявленной мысли о стено-
графіи, противъ которой мы положительно
возстаемъ. Было сказано, по поводу разсуж-

деній о лучшей системѣ стенографіи, что между преимуществами хорошей системы должно быть и то, чтобы она была до того проста, что можетъ быть доступна пониманію *всякаго мало мальски грамотнаго человека*. Мы съ своей стороны отнюдь не можемъ допустить этой мысли, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые желаютъ изучить стенографію по нашей системѣ, т. е. по системѣ Габельсбергера. По мнѣнію нашему, лица, могущія обнять вполне систему эту, а въ особенности, лица, желающія быть публичными стенографами по этой системѣ, должны быть, вполне, интеллектуально развитые люди, съ многостороннимъ образованіемъ, свѣдущіе даже въ различныхъ техническихъ выраженіяхъ по всѣмъ наукамъ, знакомые съ существомъ, интересующихъ общество современныхъ вопросовъ. По системѣ Габельсбергера, чтобы приложить къ дѣлу всякія сокращенія, а въ особенности, сокращенія по смыслу рѣчи—необходимо, чтобы публичный стенографъ могъ обнять умственною дѣятельностію своею, всѣ вопросы, по которымъ ораторы произносятъ рѣчи. Повторимъ, и г., что послѣдователями и публичными стено-

нографами Габельсбергеровой системы, могутъ быть только вполне образованные и интеллектуально развитые люди. Категорическое объявленіе мысли этой есть фактъ повсюду признанный и мы должны объявить вамъ, что нигдѣ, кромѣ нашей печати, не встрѣчали заявленій мысли, что доступность системы стенографіи *мало-мальски грамотнымъ* людямъ, считается признакомъ хорошей системы.

Въ подтвержденіе того, какъ просвѣщенная Европа смотритъ на дѣятельность стенографіи, на самыхъ стенографовъ, прошу дозволенія прочесть вамъ, м. г., докладъ комисіи въ 1848 г. Французскому національному собранію по сему предмету:

„Ст. 1. Всѣ лица, составляющія, стенографическій отдѣлъ зачисляются въ штатъ „національнаго собранія подъ вѣдѣніемъ бюро „(канцеляріи).“ Основаніемъ къ тому приняты слѣдующія соображенія: „давно уже „лица, знающія съ настоящимъ предметомъ, „изъявили мнѣніе, что стенографовъ палаты не должно считать низшими канцелярскими чиновниками, состоящими въ завѣдѣнности отъ другаго управленія, а не отъ

„законодательной палаты. Принимая на видъ „сколько необходимо стенографу различныхъ „свѣдѣній и глубокаго изученія и знанія „разныхъ предметовъ, они признають, что „искусство или лучше сказать *наука стенографіи* должна возвысить стенографовъ „практивантовъ на степень истинныхъ об- „щественныхъ правительственныхъ чиновни- „ковъ. Ошибочно предполагають, что до- „статочно одного *механическаго иску-* „ства и *ловкости*, чтобы быть хорошимъ „стенографомъ. Необходимо для сего соеди- „неніе и обладаніе многими важными усло- „віями. Никто не будетъ въ состояніи съ „точностію записывать рѣчи ораторовъ сколь- „ко бы ни имѣлъ технической ловкости и „чуткаго слуха, если его умственные спо- „собности не приготовлены серіозными глу- „бовыми научными изслѣдованіями въ вос- „принятію мыслей оратора по предметамъ „весьма часто отвлеченнымъ и техническимъ „обсуждаемымъ въ палатѣ. Если въ меха- „нической трудности записыванія рѣчей при- „соединится еще непониманіе предмета, о „которомъ идетъ сужденіе, то рѣчь оратора бу- „детъ положительно искажена. Возможно ли

„требовать за симъ, чтобы лица посвятили „себя исключительно изученію самого иску- „ства стенографіи и всѣхъ предметовъ и во- „просовъ, обсуживаемыхъ въ законодатель- „номъ собраніи, если они не видятъ предъ „собой обезпеченія ихъ будущности въ слу- „чаѣ оставленія занятія, т. е., если не бу- „дутъ считаться правительственными чинов- „никами, состоящими на службѣ и если на- „противъ того они видятъ себя обреченными „быть единственно второстепенными дѣятелями „какого либо директора частнаго журнала“.

Резумирую все выше сказанное: стеногра- „фія дѣйствуетъ какъ скоропись обыкновен- „ная и какъ скоропись публичная; по первой „дѣятельности, она является пособіемъ, а „не основаніемъ дѣйствій; по второй, осно- „ваніемъ, а не пособіемъ. Въ обыкновен- „ной скорописи стенографъ можетъ дѣй- „ствовать при нѣкоторой степени технической „ловкости; онъ за письмо свое не несетъ ни- „какой отвѣтственности и можетъ задумы- „ваться надъ приисканіемъ знаковъ; въ пуб- „личной скорописи стенографъ долженъ обла- „дать технической ловкостію въ послѣднемъ „совершенствѣ; онъ ни на одну секунду не

можетъ призадуматься, отвѣтствуя предъ обществомъ и правительствомъ за всякій пропускъ, за всякую невѣрность. Если же устранится отъ публичныхъ стенографовъ эта отвѣтственность, то и не можетъ быть безусловной вѣры ихъ таблицамъ. Наконецъ имѣю честь заявить, что стенографомъ обыкновеннаго письма можно, пожалуй, сдѣлаться въ два, въ три мѣсяца; тѣмъ же изъ васъ, м. г., которые пожелають сдѣлаться публичными стенографами, дай Богъ, дойти до этой цѣли — и въ годъ самыхъ усидчивыхъ занятій.

Указывая вамъ, м. г. на трудность быть публичнымъ стенографомъ, мы отнюдь не намѣрены отговаривать кого либо изъ васъ, м. г., посвятить себя этой исключительной дѣятельности, если онъ чувствуетъ къ тому призваніе, напротивъ того, мы поощряемъ его къ этому дѣйствию нижеслѣдующими выводами, правильность коихъ нигдѣ не будетъ сепорена. Мы находимъ, что чѣмъ болѣе, при изученіи искусства приходится преодолевать трудности, тѣмъ болѣе оно впоследствии заключаетъ въ себѣ прелести, чѣмъ болѣе трудностей къ изученію, тѣмъ меньше число лицъ, рѣшающихся по-

святить себя исключительно сему искусству, а чѣмъ меньше это число, тѣмъ болѣе заятіе стенографіею представляетъ матеріальныхъ выгодъ, коими ни когда въ жизни нашей пренебрегать не слѣдуетъ. Наконецъ, чѣмъ болѣе общество убѣдится въ дѣйствительной трудности пріобрѣсть званіе практическаго публичнаго стенографа, тѣмъ болѣе будетъ данъ уваженія общества къ тѣмъ лицамъ, которыя въ томъ успѣли.

Прошу извиненія, что утомилъ быть можетъ вниманіе ваше, м. г., всѣмъ предъ идущимъ, незнакомивъ васъ собственно съ принципами Габельсдергеровой системы, но для точнаго пониманія оныхъ, мнѣ казалося необходимымъ разрѣшить тѣ положенія, которыя легко могутъ повести къ ошибочнымъ понятіямъ, къ мыслямъ, которыя если разъ укоренятся въ обществѣ, съ трудомъ могутъ быть въ послѣдствіи поборены.

Мнѣ кажется, что прежде чѣмъ приступить къ изученію какого либо предмета, полезно и необходимо знать, чрезъ категорическое опредѣленіе, что можемъ ожидать отъ подобнаго изученія, что оно можетъ представить намъ, что возможно и чего нельзя достигнуть симъ изученіемъ.

Изложу вамъ, м. г., въ краткомъ очеркѣ исторію стенографіи.

Название „стенографія“ составлено изъ двухъ греческихъ словъ и означаетъ скоропись или вѣрнѣе сжатое письмо. Название это установилось въ новѣйшее время и хотя скорописцы или писцы съ сокращенными знаками и существовали въ древности, намъ нѣтъ основанія увлекаться мыслию о древности нашего стенографическаго искусства, и о существованіи онаго не только у грековъ, основывая этотъ выводъ на нынѣшнемъ его названіи *); но даже у древнихъ египтянъ и персовъ. Въдъ о фотографіи никому не придетъ на мысль доказывать, что она существовала у грековъ, потому что названіе это, равновѣрно, чисто греческое.

Правда, мы имѣемъ свѣдѣнія, что Ксенофонтъ записывалъ рѣчи своего учителя Сократа и, что вообще рѣчи, произносимыя на публичныхъ сборищахъ въ Греціи записывались писцами, но это не даетъ намъ права заключать, что стенографія существо-

*] Ученая мысль эта заявлена въ журналѣ „Учитель“, придавшемъ себѣ названіе ученаго журнала. Стр. 174, 1864 г.

вала у грековъ въ видѣ особаго, на положительныхъ началахъ и принципахъ основаннаго, искусства.

Въ настоящей бесѣдѣ нашей нѣтъ возможности, критически, обсудить предметъ этотъ и посему, я, съ своей стороны, охотно прихвастну, предъ вами и объявлю вамъ, что мы, стенографы, считаемъ между товарищами своими, между прочимъ и Ксенофонта, а такъ какъ между египтянами и персами нѣкимъ прихвастнуть, потому что ни Киръ, ни Ксерксъ, ни одинъ изъ фараоновъ не занимались стенографіею, то пройдемъ дипломатическимъ молчаніемъ, о существованіи стенографіи у нихъ.

У римлянъ сокращенія въ письмѣ были особо употребительны; онѣ по большей части изображались первою буквою слова и получили названіе *singulae literae* (отдѣльныхъ буквъ) и *siglae*. Укажемъ здѣсь на извѣстныя буквы: S. P. Q. R. Въ слѣдъ за тѣмъ для скорописи при записываніи рѣчей, возлагаемой на рабовъ и вольно-отпущенныхъ, явилась и необходимость въ изображеніи еще болѣе сокращенныхъ знаковъ. Изображеніе это исполнялось принятіемъ лишь нѣкоторой

части обыкновеннаго алфавита. Тиронъ вольно-отпущенный Цицерона считается если не первымъ изобрѣтателемъ, то лицомъ, который, подобныя сокращенія знаковъ алфавита, привелъ въ опредѣленную систему и прибавилъ къ нимъ особыя знаки для окончаній (суффиксы), для нѣкоторыхъ слоговъ и небольшихъ словъ. Знаки эти получили названіе *notae*, а лица записывающіе помощью этихъ знаковъ: *notarii*.

Началомъ стенографіи (именовавшейся въ то время: тахиграфіею — скорописью), слѣдуетъ считать тироновы ноты. Записываніе не только рѣчей, но и разныхъ служебныхъ и официальныхъ дѣйствій, знаками, сдѣлалось употребительнымъ между римлянами. Каста официальныхъ писцовъ и нотаріусовъ охотно приняла этотъ способъ писанія, приобретая этимъ, какъ въ послѣдствіи чрезъ особыя обрядовыя, въ выраженіяхъ формальности, исключительное положеніе для составленія разныхъ актовъ и документовъ. По неустановленію общепринятой и одобренной системы въ подобныхъ знакахъ, — естественнымъ послѣдствіемъ было не только замѣшательство, но и злоупотребле-

нія. Замѣшательства и злоупотребленія эти вынудили римское правительство запретить употребленіе этихъ знаковъ въ актахъ известнаго рода. Пандекты (кн. XXIX) разрѣшаютъ писаніе духовныхъ завѣщаній знаками однимъ военнымъ, во время похода; для прочихъ лицъ, оно воспрещено.

Примч. Въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ законодательствахъ положительно воспрещается писать духовныя завѣщанія стенографическими или иными знаками.

Съ паденіемъ римской имперіи, съ нашествіемъ варваровъ, тахиграфія, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, исчезла, въ общественной дѣятельности, со многими другими науками и искусствами; она сохранилась отчасти въ нѣкоторыхъ монастыряхъ между монахами. Въ общественной дѣятельности она воскресла вновь сперва въ Англии, въ концѣ XVI столѣт. Первыми дѣятелями явились: Меворъ, Брайтъ, Вельсъ и Редклифъ, принявшіе въ основаніе своихъ знаковъ тироновы ноты. За ними явились дѣятелями по стенографіи, Шельтонъ (1660 г.), Мезонъ (1682) и Тейлоръ (1786) и, наконецъ Питманъ (1837), сдѣлавшій особую заслугу

по английскому языку, установлением стенографии по фонетическим началам, особо важным для сего языка, где писание часто не соответствует произношению. Его фонетическая система с 1844 г. вошла в повсеместное употребление в Англии и Северо-Американских штатах и распространилась в короткое время в 200,000 экзempl. Во Франции, после некоторых неудачных попыток, с 1827 г. действует система Тейлора, примененная к французскому языку известными стенографами Прево и Бертенъ. Замечательна во Франции личность г. Бретона, которого называли: le Nestor de la stenographie; он стенографировал полустолетие, и издал отчет первого национального собрания в 1792 г. и послѣдняго, в 1848 г., во время бурнаго засѣданія 15 мая.

В Германіи также приняты были в началѣ английскія системы. Мозенгейль первый обработалъ системы эти на нѣсколько научныхъ основаніяхъ. За нимъ явились много лицъ, издавшихъ сочиненія о стенографіи, нѣмнѣйшихъ однако особаго успѣха. Наконецъ явился Габельсбергеръ. Изданіемъ системы своей, надъ которой трудил-

ся 17 лѣтъ, онъ произвелъ не только эпоху въ искусствѣ стенографіи, но возвысилъ оное, учеными, филологическими и рациональными изслѣдованіями своими, на степень науки. Габельсбергеръ является однимъ изъ великихъ мыслителей нашего вѣка и его гениальными указаніями могутъ воспользоваться, и уже воспользовались, многія второстепенныя личности, изъ коихъ нѣкоторыя считали даже вправѣ провозгласить себя основателями новыхъ самостоятельныхъ школъ. Таковы Штольце, Арендсъ и др.

Считаю однако долгомъ предупредить васъ, м. г., что это послѣднее мнѣніе не разделяется послѣдователями Штольце и другихъ. Они считаютъ системы эти, по выраженію въ русской печати заявленному, первообразомъ, вполне самостоятельнымъ трудомъ, и за симъ, конечно, во всемъ превосходящимъ систему Габельсбергера. Доложу вамъ что приверженцы стенографіи въ Германіи раздѣлились, главнѣйше, на два стана, враждебныхъ между собою, по выраженію опять нашей печати, какъ Гвельфы и Гебеллины. Борьба между ними, идетъ на жизнь и на смерть; мы знаемъ даже примѣры, что родные братья,

изъ за системъ этихъ, разсорились на вѣкъ; можно опасаться что вслѣдствіе подобнаго страстнаго антогонизма, проявятся дѣйствія, непредусмотрѣнныя никакимъ уложеніемъ о наказаніяхъ; о личныхъ оскорбленіяхъ на письмѣ по сему поводу и нечего говорить; онѣ проявились уже и у насъ въ Россіи до распространенія и утвержденія еще какой бы то ни было системы. Укажу вамъ, между прочимъ, кромѣ нѣкоторыхъ мелочныхъ статей въ газетахъ нашихъ, на статьи какого то періодическаго журнала, „Учитель“, удостоившаго себя самаго названія ученаго журнала, не знаю существующаго ли еще нынѣ или естественною своею смертію умершаго, въ которомъ — въ статьяхъ о стенографіи — были остроумныя нападки и на вашего покорнѣйшаго слугу. . . Явленія подобнаго рода не новы подъ луною и всякій изъ насъ, имѣющій смѣлость выступать печатно на публичную дѣятельность, не вправѣ разсчитывать на однихъ добродѣтелей. Міръ человѣчскій неизмѣнитъ своего направленія ни для какаго писателя, ни для какаго труженика.

У насъ въ Россіи попытки о стенографіи слѣдующія:

Въ 1820 г. баронъ М. А. Корфъ издалъ примѣненіе въ русскому языку графодроміи Астье. Похвальная попытка эта осталась безъ послѣдствій и въ настоящее время книга эта сдѣлалась библиографическою рѣдкостью.

Въ 1844 г. появилось въ Москвѣ сочиненіе о стенографіи неизвѣтнаго автора. О немъ упоминается въ библиографическихъ отчетахъ и участь книги этой, какъ и имя автора, публикѣ вполне неизвѣстны.

Въ 1858 г. генералъ Иванинъ издалъ сочиненіе о стенографіи на основаніи англійскихъ и французскихъ геометральныхъ системъ. Система эта, которая конечно признается составителемъ оной самостоятельную, приобрѣла, сколько намъ извѣстно, нѣкоторыхъ послѣдователей, которые въ настоящее время занимаются практическимъ примѣненіемъ оной въ новыхъ судахъ нашихъ и въ другихъ общественныхъ собраніяхъ.

Примѣч. Какимъ образомъ объ этой дѣятельности отзываются юридическіе журналы наши, мнѣ нечего говорить. Въ настоящее время существованіе вообще стенографовъ по геометральнымъ системамъ воз-

можно только до тѣхъ поръ, пока публика неознакомится съ рациональными графическими системами.

Кромѣ того г. Гегеръ, въ Вѣнѣ въ 1849 г., издалъ руководство для четырехъ славянскихъ языковъ, которое заключаетъ въ себѣ только одни общія правила и основанія.

Въ 1863 г. издано мною и д-ромъ Цейбихомъ руководство о стенографіи по системѣ Габельсбергера. Второе, дополненное изданіе вышло въ Дрезденѣ въ 1864 и, наконецъ третье изданіе, плоды публичныхъ чтеній моихъ въ Петербургѣ, въ 1866 г.

Въ 1864 г. вышла въ свѣтъ: Русская краткопись или стенографія по началамъ Штольце, гг. Паульсона и Мессера. Второе изданіе оной вышло въ 1866 г.

Въ этомъ же 1866 г. г. Ольхинъ издалъ руководство къ русской стенографіи по началамъ Габельсбергера.

Устраняясь нынѣ отъ разсмотрѣнія разныхъ, дѣйствующихъ у насъ и въ Европѣ системъ, и посему отъ всякихъ полемическихкихъ сужденій, заключу бесѣду нашу изложеніемъ вамъ началъ той системы, которая, въ настоящее время будетъ читаться здѣсь въ Харьковѣ.

Чтобы ознакомить васъ, м. г., въ самомъ краткомъ очеркѣ, съ началами нашей системы, приму за основаніе наглядное изложеніе.

Конечная цѣль стенографіи—слѣдить, дословно, за ораторомъ. Я уже упомянулъ о томъ, что медленный ораторъ произноситъ въ одну минуту не менѣе 80 словъ, бойкій даже до 160; простой скорописецъ въ состояніи написать только 35—40 словъ. Необходимо слѣдовательно выиграть 300% времени. Цѣль эта достигается слѣдующими 6 способами:

1. Сокращеніе чрезъ упрощеніе самыхъ знаковъ азбуки.
 2. Сокращеніе чрезъ символическое означеніе гласныхъ.
 3. Сокращеніе чрезъ удобство соединенія буквъ между собою.
 4. Сокращеніе чрезъ употребленіе особыхъ условныхъ знаковъ и условныхъ сокращеній въ словахъ.
 5. Сокращеніе чрезъ употребленіе знаковъ сокращеній въ окончаніяхъ и приставкахъ.
 - и 6. Сокращеніе по смыслу рѣчи.
- Разобравъ, отдѣльно, каждый изъ этихъ

видовъ сокращеній, вы ознакомитесь наглядно съ системою нашею.

1. Упрощеніе самыхъ знаковъ азбуки. Каждая буква нашей стенографической азбуки требуетъ начертанія менѣе вдвое, втрое противъ обыкновеннаго письма. Буквы *a* и *л* означаются одною точкою, въ рускомъ письмѣ они состоятъ изъ 3-хъ чертъ. Буква *m* пишется одною чертою, въ обыкновенномъ письмѣ шестью чертами.

Примч. Буква *c* одна, которая не представляетъ сокращенія, но знакъ этотъ представляетъ особую выгоду въ соединеніи буквъ между собою, о чемъ упомяну ниже сего.

Форма каждой буквы не есть произвольная, случайная; каждый знакъ имѣетъ ratio своего происхожденія.

Знаки буквъ установлены Габельсбергомъ послѣ долгихъ изысканій и изслѣдованій какъ акустическихъ дѣйствій органовъ, производящихъ звуки, такъ и физиологическаго процесса, необходимаго для восприсведенія сихъ звуковъ.

На этихъ соображеніяхъ основанъ принципъ эуфоническаго или фонетическаго изображенія буквъ.

Нѣмцы, принимаясь за какой либо предметъ умственной дѣятельности, подводятъ его всегда подъ научныя начала. Имъ недостаточно указанія на одну практическую пригодность, они требуютъ и теоретическое доказательство почему предметъ пригодеиъ. Подобное требованіе важно и необходимо для того, чтобы устранить всякій произволъ, всякую случайность въ наукѣ.

Система стенографіи Габельсбергера отличается именно этою рациональностью своихъ основаній. На всякое дѣйствіе, на всякій приемъ готовъ отвѣтъ почему дѣйствіе и приемъ должны быть такъ а не иначе. Вотъ почему система эта пользуется такимъ уваженіемъ въ ученномъ мірѣ, вотъ почему она и можетъ сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ, универсальнымъ шрифтомъ, вотъ почему ей одной и предстоитъ будущность въ дальнѣйшей разработкѣ на научныхъ началахъ, гдѣ бы то ни было.

Противники системы Габельсбергера не пользуясь преимуществомъ научныхъ началъ, приобѣгаютъ къ обыкновенной методѣ издѣванія надъ таковыми научными началами въ ущербъ будто бы практики. Они выставя-

ють съ смѣшной стороны философствованіе даже надъ прифтомъ азбуки; они прельщаются новичковъ геніальностію и оригинальнію своихъ дѣйствій, которыя не должны быть стѣсняемы, началами, пригодными только для плебса, и въ дѣйствіяхъ сихъ прерываются тѣмъ, что исполняютъ все во имя практическаго удобства.

Такимъ образомъ напр. Габельсбергеръ принимаетъ вкругъ малый для означенія буквы *s*, а большой для буквы *ss* и доказываетъ почему именно знаки эти приняты имъ для означенныхъ буквъ. Штольце тѣже знаки принялъ для изображенія буквъ: *p* и *l*. Его „почему“ или *ratio* къ тому, состоитъ въ томъ, что оно казалось ему удобнѣе при письмѣ и вы безпрекословно должны ему вѣрить и подчиниться. Всякому же изъ насъ, пишущему на какомъ бы то ни было языкѣ извѣстно, что удобство въ письмѣ—весьма условное дѣло; не всякому одна и таже черта идетъ подъ руку.

Въ послѣдующихъ чтеніяхъ, г. Устиновъ объяснить вамъ происхожденіе буквъ по системѣ Габельсбергера; перехожу ко 2 способу сокращенія въ письмѣ.

2. Символическое означеніе гласныхъ.

Это означеніе или вокализація есть одна изъ главнѣйшихъ частей ученія по системѣ Габельсбергера. Тутъ имъ установлены правила столь оригинальныя и столь остроумныя, что и самые ярые противники его не могутъ не воздать ему особой за это чести. Въ слогахъ среднихъ и окончательныхъ, и отчасти, и въ началѣ словъ, гласныя буквы во все не пишутся, а означаются *символически* въ согласныхъ буквахъ и притомъ такимъ способомъ, что никакою сбивчивости быть не можетъ.

Относительно сокращенія письма отъ сего способа, замѣчу, что количество гласныхъ буквъ, сравнительно съ согласными, составляетъ, по типографскому расчету, не менѣе 40% всей азбуки. Выигрышъ этихъ процентовъ по системѣ нашей несомнѣненъ.

Означеніе гласныхъ—есть основной принципъ вокализаціи. По выраженію Беккера и Давидова, согласныя суть тѣло, а гласныя душа слова.

Ученіе о вокализаціи составитъ предметъ многихъ лекцій и посему, въ настоящее время, представляю вамъ только общія о семъ предметѣ указанія.

Основаніемъ символическаго означенія гласныхъ, Габельсбергеръ принялъ принципъ, по которому слѣдуетъ на письмѣ изобразить знаками для воспринятія органомъ зрѣнія то, что въ томъ же видѣ воспринимается органомъ слуха произнесенными словами *).

Такъ напр. гласная *a* есть самая звучная, наиболѣе для уха явственная, вслѣдствіе чего, она и представляется для глаза на письмѣ утолщеніемъ, укрѣпленіемъ знака, т. е., дѣлается для глаза наиболѣе видимою; наиболѣе явственною въ сравненіи съ другими буквами, напр. *m*—дамь **).

При произношеніи гласной *u* ухо слышитъ звукъ возвышающійся вверхъ, въ стенографическомъ письмѣ глазъ видитъ изображеніе сего звука въ возвышенномъ положеніи слѣдующей согласной въ сравненіи съ предъидущею, напр. Римъ—*r^m*, лизъ—*l^k*.

Гласную *y*, ухо воспринимаетъ звукомъ идущимъ внизъ, на письмѣ *y* насъ она изображается поставленіемъ слѣдующей согласной въ положеніе нижее относительно предъидущей.

* Д-ръ Розенкранцъ выразилъ принципъ этотъ слѣдующимъ образомъ: «обращеніе акустическаго процесса уха въ оптическій процессъ глаза».

** См. приложение.

дущей согласной, напр. дума—*dm*, туманъ—*tm*.

Примч. Въ словѣ „дума“ мы воспользовались уже двумя символическими означеніями: буква *m*, поставленная ниже буквы *d* указываетъ на существованіе въ ней гласной *y*, а утолщеніемъ той-же буквы *m* выражается гласная *a*. Тоже замѣчаемъ и въ словѣ „туманъ“.

Гласная *o* изображается символически согласной формѣ, принимаемой ротомъ при произношеніи оной, округленіемъ согласной, въ которую гласная эта влагается, на примѣръ стенографическій знакъ для буквы *m*, наше русское *и*; чтобы изобразить звукъ *мо*, слѣдуетъ только округлить нижнюю оконечность буквы тоже: *d*—*do*, *ч*—*чо*, *т*—*то*.

Гласная *e*, какъ наименѣе звучная изъ гласныхъ и наимѣншая никакого отличительнаго характера, изображается волосою чертою, или лучше сказать, вовсе не отмѣчается, напр. мель ремень, черепъ, мечъ.

Примч. Въ срединѣ или въ окончаніи словъ стенографы не дѣлаютъ различія въ писаніи буквы *e* и *ь* и въ этомъ мы исходимъ изъ того начала, что стенографомъ

можетъ быть только тотъ, кто вполне знакомъ съ языкомъ, на которомъ стенографируютъ, съ грамматическими правилами языка и что онъ всегда сумѣетъ при переложении стенографическаго письма на обыкновенный, различить букву *н* отъ буквы *е*. Предназначеніе стенографіи не есть обученіе орфографіи, напротивъ того во всѣхъ прочихъ языкахъ стенографы никогда не стѣсняются орфографіею и даже, какъ мы уже видѣли, вся система Питмана основана на фонографіи, уничтожающей вполне орфографію англійскаго языка.

Приведенные примѣры даютъ вамъ, м. г., какъ смѣю думать, достаточное понятіе о нашей системѣ вокализаціи; подробности оной, какъ я уже имѣлъ честь заявить, составляютъ предметъ многихъ лекцій.

3. Соединеніе буквъ между собою.

Знаки азбуки, установленные Габельсбергеромъ, обладаютъ особымъ преимуществомъ легкаго и удобнаго соединенія ихъ между собою. Составляя чрезъ подобное соединеніе одну фигуру, письмо сокращается весьма значительнымъ образомъ. Укажу вамъ, м. г., при семъ случаѣ, въ особенности на знакъ

для буквы *с*. Соединеніе онаго съ *т* дѣлается почти однимъ движеніемъ руки и не болѣе какъ двумя чертами: (*) тоже соединеніе съ *н*, *е* и *л*. Возьмемъ напр. слово „стѣснительно“, для написанія онаго обыкновеннымъ шрифтомъ нужно 40 чертъ, стенографически мы напишемъ оное 7—8 чертами.

Обращу еще вниманіе ваше на знакъ буквы *р*. Онъ изображается чертою наклоненною слѣва на право. Въ Габельсбергеровой азбукѣ всѣ знаки имѣютъ одно общее наклоненіе, соотвѣтственное обыкновенному нашему письму съ права на лѣво. Одна буква *р* дѣлаетъ въ этомъ исключеніе, и гатио тому весьма остроумно и правильно. Звукъ этотъ воспроизводится удареніемъ языка въ зубы и является какъ бы противодѣйствующимъ произношенію; согласно сему, буква *р* изображается для глаза въ противоположномъ наклоненіи, въ сравненіи со всѣми другими буквами. Но это, еще не все. Характеристическое изображеніе буквы *р* переходитъ въ фигуру другой согласной, когда соединяется съ оной и въ слѣдствіе сего при-

(*) См. приложение.

сутствие звука *p*, въ согласной, съ перваго раза видно, лишь только вы усмотрите наклонение согласной слѣва на право. Такъ напр. (*) *чр* = *чрево*, *стр* = *страна*.

4. Условные знаки.

Условные знаки, которые называются и ключами — *sigel*, *siglae* и значками и пр., необходимы для нѣкоторыхъ часто употребляемыхъ и часто повторяющихся словъ. Такъ какъ установление ихъ болѣе или менѣе произвольное, то хорошая стенографическая система имѣетъ таковыхъ знаковъ сколько возможно менѣе, во 1-хъ, чтобы не обременить памяти излишнимъ количествомъ ихъ, заучиваніе коихъ можетъ стѣснить стенографа и 2-хъ, чтобы обратить стенографическое письмо въ письмо однихъ знаковъ, превращающихъ съ своей стороны стенографовъ въ машины, передающіе звуки, непредоставляющіе имъ право мышления и умственной дѣятельности. У насъ такихъ постоянныхъ знаковъ до 125, у Штольце въ дѣйствительности до 2000, хотя послѣдователи его и признаютъ тояко 500 (см. Учитель за 1864 г. статьи о стенографіи стр. 1091.), но будетъ и этаго.

(*) См. приложение.

Примѣры: что = требующее двѣ черты, а въ обыкновенномъ письмѣ 10 чертъ; право = 2 черты, въ обыкновенномъ 17, императоръ 2 или 3 черты, въ обыкновенномъ 39, нѣтъ 1 черта, въ обыкновенномъ 18.

5. Окончаніе и приставки.

Мы указали уже вамъ на окончанія *еніе*, *итель*, *ищее*, *вишее* и пр.

Окончаніе *еніе* требуетъ 1 черту, въ обьк. письмѣ. 11.

Окончаніе *итель* — — 2 — въ обьк. письмѣ. 18.

Окончаніе *ищее* — — 2 — въ обьк. письмѣ. 17

Окончаніе *вишее* — — 3 — въ обьк. письмѣ. 15.

Окончаніе *ство* — — 1 — въ обьк. письмѣ. 13.

Такимъ образомъ мы напишемъ: „правительство“ стенографически = 4 чертами, составляя оное изъ условнаго знака *право* =, изъ окончаній *итель* и *ство*. Въ обыкновенномъ письмѣ требуется для написанія сего слова 45 чертъ.

6. Наконецъ послѣдній способъ для достиженія сокращенія въ письмѣ суть:

Сокращенія по смыслу рѣчи, т. е., означеніе одною буквою разныхъ словъ, значеніе воихъ истекаетъ изъ общаго смысла рѣчи. Тагъ напр. „судъ сообразивъ признаніе преступника съ обстоятельствами дѣла опредѣлилъ“. Фраза эта, написаная стенографически 22 чертами, представляетъ въ обыкновенномъ письмѣ 64 буквы и пишется 225 чертами.

Заканчиваю рѣчь мою, приношеніемъ вамъ, м. м. г. г. благодарности за благосклонное выслушаніе мыслей о стенографіи вообще и о нашей системѣ въ особенности... Съ будущаго воскресенья И. А. Устиновъ начнетъ лекціи свои о стенографіи въ здѣшнихъ залахъ. Надѣмся, что успѣхъ будетъ тотъ, который, по истинѣ, желаемъ сему чудному искусству и что, по этому предмету нашей умственной дѣятельности, какъ и по многимъ другимъ предметамъ, — благодатный свѣтъ просвѣщенія распространится и пролетѣетъ на всю Россію впервые, именно изъ харьковскаго университета.

(Изъ Харьковскихъ Вѣдомостей 1868 г.).

Стенографическая

азбука.

по системѣ Табеля-Бергера.

а	б	в	г	д	е	ж
з	и	к	л	м	н	о
п	р	с	т	у	ф	х
ц	ч	ш	щ	ы	ю	я
ѣ	ѝ	ў	џ	Ѡ	ѡ	Ѣ

Обозначение окончаний

Причастий настоящего вре-

мени = л , или л = выполняющее,

испол. л = исполняющее

- прошедшего времени = л .

использовавшее = л , использова-

вшее = л .

Существительных:

кость, ость, мость = л ;

взрность = л ; взрность

= л ; сущность = л .

ение = л ; значение = л

ление = л ; одобрение

ние = л .

ство = л ; существо = л

руковод.

итель = л , учил.

Соединение двух подобных

сокращений: напр. значитель-

ность = л .

Прилагательных:

ский = л ; дятский = л .

ческий = л , украинский = л .

Условные знаки:

что = л , где = л , когда = л ,

тогда = л , судя = л .

Пример: "Когда дель иммигран-

значений" = л е и л знач.

Вокализация: гласн. а; даиль:

дм-ел.

гласн. и; Римъ = р^и = р, микъ = м^и.

г.

гласн. у; дума = д^у = д, туманъ = т^у = т.

гласн. о; буква м = в, слово мо = в; д = в, до = в; г = в, го = в; т = в, то = в.

гласн. е; мель = в, ремень = в, черень = в, меръ = в.

Соединение буквъ

Буква с = в; ст = в = р, см = в, св = в, сл = в.

Примеръ: „ствѣнительно“ =

стѣ.

Буква р = в; пр = в, пресо = в.

„ д = в; др = в, друкъ = в.

„ ст = в; стр = в; страна = в.

что = в, право = в, императоръ = в,
г^л, нѣтъ = в, правительство = в,
т. е. = пресо = в, итель = в, тво = в.

Фраза: „Судъ сообразивъ призна-
ніе преступника съ обстоятель-
ствами дѣла опредѣлилъ.“

о. в. о. г. о. е. у.

ly
y ~ ruyf

ly. j b n no, e ab w c. e
velf C. e. c r C m n d n o. v.
R n g r o f g e r e e o. h r e c a l y t y
- ? h e e g e y e n a n o c a y n
k n o - n e r, h C b j, o. d e n
- v a - c a r o r e
w.

ly

7 H - t b t
ly. b. n o e e k r c
e r e f - e. c - h. n o
> h n. o f r e e r e. h
n e e n t y e r. n o
o y n t r o v s
h C b j, o. d e n
v a e n a.